

Последний звонок

Последний звонок в том году был особенный. Нет, конечно, найдутся люди, которые скажут, что всякий последний звонок - особенный. Он ведь единственный и неповторимый для тех, кто в этот день расстаётся со школой. Такой же единственный и неповторимый, как и всякое знаковое событие, как любой существенный рубеж в жизни индивидуума, тоже якобы единственного и неповторимого - так, во всяком случае, утверждают мыслители гуманистического направления, и кто я такой, чтобы с ними спорить? Но всё же той весной на школьной линейке довлела иная атмосфера, не такая, как всегда. Ведь обычно как? Вся школа выстраивается в виде каре. В центре одной из сторон – президиум. Там стоит длинный, накрытый красной бархатной скатертью стол, оснащённый большим микрофоном посередине, с тем, чтобы силою электричества доносить мудрые речи наставников молодёжи до самых дальних углов двора и даже дальше. В предыдущем году двое девятиклассников бегали проверять на спор, «добивает» ли усилитель до здания кинотеатра, а это добрых четыреста метров от периметра, и слышен ли даже там зычный голос директрисы. Некоторые скептики сильно сомневались. Оказалось, что ещё как «добивает» - даже слова можно разобрать, поднапрягшись, несмотря на нещадно фонящую аппаратуру. За столом с микрофоном обычно сидят, как им и положено, завучи, представитель районо, сама, разумеется, директриса, плюс два-три ветерана войны и партии, приглашённые для антуража, плюс прочие почётные гости. По обеим боковым сторонам прямоугольника школьного двора выстраиваются классы, начиная от первых и затем идя по возрастающей вплоть до девярых. Десятиклассники же, как истинные виновники торжеств, располагаются прямо напротив президиума. На их стороне также устанавливается микрофон для ответных благодарственных речей; его изогнутый стержень высовывается прямо из небольшой кафедры, выкрашенной в пролетарский красный цвет и украшенной профилем вождя, самого человеческого, простого, как правда, и вообще, понятное дело, живее всех живых. Благодарственные речи звучат сначала на русском, а потом, по случаю особого статуса данного учебного заведения «с преподавание ряда предметов на иностранном языке», ещё и на английском, для чего уже заранее отобраны отличники и хорошисты с приятным мидлендским произношением и фотогеничной внешностью. Уже через несколько лет после окончания школы мне по чистой случайности довелось майским утром тютелька в тютельку в час очередного последнего звонка покупать для своей тогдашней подружки букетик роз с уличных лотков, располагающихся у входа в парк как раз на периферии зоны отчётливой слышимости, возле того самого кинотеатра. Могу подтвердить, что английские спичи производили впечатление даже на продавцов цветов, а это, как вы знаете, не самые слабонервные люди. Их лица как бы немного закаменели при первых словах тарбарского наречия, а дядя Мамед, с которым я в тот момент ожесточённо торговался, неожиданно и совершенно бесплатно увеличил число роз в моём букете с пяти до семи, хотя так и не согласился скинуть цену. Да что там продавцы! Даже мне - а уж я-то и сам во время оно произносил такую речь – и то от неожиданности жутковато было вдруг услышать странно сюрреалистический звук, плывущий над советской, с одноимённым же названием, улицей и своими чуждыми интонациями живо напоминающий гражданам о предполагаемой, вплоть до казённого дома, ответственности

за прослушивание «вражьих голосов», хотя, честно говоря, никаких ссылок на конкретные статьи кодекса никто никогда не видел. Ну да разговор не об этом. Словом, выпускники, ровнёхонько выстроенные по шесть рядов на класс, стоят прямо напротив президиума. Там же, но в почтительной глубине, соблюдая демаркационную линию, толпятся родители, пришедшие погордиться своими чадами. Они представлены, по преимуществу, женской семейной половиной, а потому на расстоянии видны как беспрестанно клубящаяся масса, не только пёстрая и бесформенная, в буквальном смысле этого слова, в отличие от форменной – белый верх, тёмный низ – колонны учеников, но и то и дело распадающаяся на отдельные ручейки по мере того, как участницы концентрируют внимание то на одной, то на другой группе знакомых. Большинство из немногочисленных в этой толпе мужчин автономно стоит с отсутствующим видом и без всякого движения, не принимая участия в женской циркуляции и не предпринимая попыток сколотить собственную компанию. В шеренгах выпускников, отчасти проникнувшихся значимостью жизненной вехи, царит достаточно устойчивый боевой строй, чего не скажешь обо всех остальных. Их бесцельная, но от этого не менее оживлённая хаотическая активность напоминает толкотню головастика на мелководье, то и дело требуя вмешательства бдительно, но не слишком эффективно надзирающих за порядком учителей. Несмотря на призывы к тишине, вся эта масса людей непрерывно разговаривает, так что над школьным двором стоит плотный гул, не сразу спадающий даже после официального открытия линейки, а иногда то усиливающимися, то ослабевающими волнами перекатывающийся от одного участка каре к другому до самого окончания торжества.

На этот раз всё было иначе. Даже безобидные, но при этом малоуправляемые начальные классы – и те притихли, быть может, не в силу осознания реальных причин, а от инстинктивной замороженности перед серьёзным и тревожащим ореолом тайны, окружающим слово «капсула».

Капсула! В тот день из-под основания монумента, установленного двадцать пять лет тому назад в память о погибших в войне бывших учащихся школы, извлекалась капсула. Тогдашние абитуриенты одного-единственного выпускного класса – не в пример нынешним шести – замуровали её в специальной нише, а поверх крепко-накрепко привинтили толстую медную пластину с выгравированной на ней надписью: «Вскрыть через 25 лет, в день последнего звонка». И дату захоронения поставили: «19 мая 1951 года». В руководящих слоях школы уже года два как ходили разговоры про эту капсулу: мероприятие-то серьёзное, можно сказать, политическое. И, конечно, нужно было крепко всё обдумать. Мало ли что могли написать тогдашние комсомольцы, не исключая и таких слов, которые в настоящее время не могут быть оценены иначе, чем идеологическая диверсия! Тем более что и гостей на нынешний последний звонок пригласили, извините за тавтологию, не последних - вплоть до секретаря обкома, который, правда, сославшись на крайнюю занятость, так и не появился, но, надо отдать ему должное, лично позвонил директрисе, принёс все полагающиеся в таком случае извинения и прислал вместо себя зама по идеологии, а это тоже звезда отнюдь не малой величины. Что касается парторга школы Калерии Велимировны, то она во время прений на педагогическом совете накануне праздника выступила с большевистской прямоотой: вскрытие произвести заранее, в узком кругу доверенных лиц, и в присутствии специально приглашённых откуда надо экспертов. А там уж пусть у них голова болит, уместно ли обнародовать извлечённый манускрипт и как именно - без купюр или же с некоторыми изъятиями, или же вовсе с заменой на предварительно искусственно состаренный документ,

составленный с учётом текущей международной обстановки и в соответствии с решениями последнего съезда КПСС. Но ни с того ни с сего вдруг заартачилась одна из учительниц, которая, будучи в далёком пятьдесят первом году школьной пионервожатой, водила личное знакомство с выпускниками-муровщиками, закладывая контейнер под монумент. По её словам, предложенный выход был не чем иным, как трусливым бегством от ответственности, попыткой переложить свои партийные обязанности на чужие плечи, а также проявлением неуважения как к нынешним учащимся, достаточно политически подкованным, чтобы в историческом контексте верно оценить прочитанное, так и к прошлому поколению, которое, конечно же, не могло и предположить, что через двадцать пять лет подвергнется столь незаслуженному и необоснованному недоверию. Калерия Велимировна уже набрала было полные лёгкие воздуха для достойного отпора, но тут её опередила директриса, воспользовавшись краткой паузой и неожиданно огласив окончательное распоряжение, на первый взгляд, примирительное, но враждебное по сути. Дескать, она и сама ещё не вполне забыла то непростое время, и ей трудно представить, что послевоенные комсомольцы могли бы позволить себе какое-нибудь вольнодумство, да к тому же в письменной форме. Таким образом, призыв к бдительности остался без последствий. Правда, нельзя сказать, что он пропал втуне, поскольку высветил нездоровые тенденции в педагогическом коллективе, о чём Калерия Велимировна и написала куда надо, включая и тот факт, что директриса проявила близорукость, позволив прочесть письмо в оригинале. А между тем, на том же педсовете некоторыми более дальновидными людьми было замечено, что, по всей вероятности, при бездумном чтении документа вслух возникнут некоторые проблемы – взять хотя бы ныне устаревшее определение «партия Ленина – Сталина», которое наверняка будет фигурировать в послании потомкам. Долго сомневались и насчёт упреждающей проверки состояния капсулы: кто мог поручиться, что бумага, например, не истлела за эти годы? Или что в контейнер не попала влага, и чернила не расплылись или не выцвели. И вот, представьте ситуацию. При полной торжественности, в присутствии именитых, не побоимся этого слова, гостей - вплоть до секретаря обкома (который ведь мог бы и прийти, если б не крайняя занятость) - извлекается капсула, а там, извините, одна труха или, того хуже, какие-нибудь черви. Или серебрянки-чешуйницы, они тоже, как известно, не дураки погрызть бумагу, особенно с высоким содержанием крахмала. В общем, много чего могло бы произойти такого, что потом стыда не оберёшься, а кому это надо? Так что, когда парторг Калерия Велимировна поставила ребром вопрос хотя бы о визуальной инспекции капсулы, то принципиально никто возражать не стал: тут расклад такой, что крыть нечем, будь ты хоть рьяным «шестидесятником». За день до последнего звонка контейнер аккуратно выдолбили и вынули из ячейки. Не буду зря томить вас неизвестностью и нагнетать напряжение – я, в конце концов, рассказываю чистую правду, а не пишу детективный роман. Всё было в безупречном порядке. Перетянутая тесёмкой эпистола оказалась вложенной в толстостенную банку из лабораторного стекла, со стеклянной же крышкой, а крышка к тому же залита то ли парафином, то ли воском. В общем, закрыто качественно и со знанием дела, и послание ничуть не пострадало, хотя и видно было на просвет, что написано оно на самом обычном двойном листке из ученической тетради в клеточку. Сквозь тёмное стекло свиток выглядел буроватым, но, как выяснилось позже, бумага несколько не пожелтела от длительного хранения, несмотря на то, что времени прошло достаточно, пусть и в темноте, вдали от разрушительного действия солнечных лучей. Как бы то ни было, но начисто протёртый от пыли и паутины сосуд отправился обратно в бетонную ячейку, только медную пластину на этот раз не стали привинчивать, а всего лишь прилепили пластилином,

пожертвованным крутящимся неподалёку первоклашкой - чтобы, как прокомментировал учитель по трудам Леонид Иванович, битых три часа сражавшийся с намертво прижавевшими и потерявшими шестигранную форму анкерными болтами, «завтра не мудохаться по новой». Тут, конечно, имелся некоторый риск. Но ночь минула без происшествий, да и торжественное изъятие на следующее утро прошло без сучка без задоринки.

Между прочим, и учащиеся не оставались равнодушными к грядущему событию. Шутка ли! Наиболее взрослые из них, то есть семнадцатилетние, если не учитывать статистически незначимых второгодников, родились намного позже захоронения капсулы, так что столь необычная переключка поколений воспринималась как прямое прикосновение к истории, и не какой-то там абстрактной, из учебника, а непосредственной и живой. Всё равно как садишься в уэллсовкую «машину времени», включаешь заднюю передачу и без малейшего усилия отъезжаешь на двадцать пять лет вспять. Я вовсе не утверждаю, что все только и делали, что обсуждали предстоящее изъятие – вовсе нет. Жизнь шла своим чередом; по утрам и во время большой перемены за школьным туалетом, где собирались курильщики, привычно звучали всё те же матерки и смачные анекдоты, а про капсулу ничего не было слышно. Но в то же время даже многие из безнадежно разочаровавшихся в жизни и уже утративших светлые идеалы старшеклассников - и те на время оставили печоринский цинизм, чтобы принять участие в дискуссии о том, что им предстояло узнать, и вовсе не по каким-то идеологическим мотивам, а из элементарного человеческого любопытства. Конкурирующие гипотезы вскоре перешагнули личные рамки и вылились в противостояние соперничающих «команд». Не знаю, как обстояло дело в других возрастных группах, а в девятых классах деление постепенно оформилось по административному признаку. Большинство «ашников» и «гэшников» придерживалось того мнения, что письмо имеет вид летописи, содержащей полную хронику «от звонка до звонка», то есть, начиная прямо с сорок первого года, и, таким образом, неизбежно охватывает весь военный период. Вечно инакомыслящие «бэшники» полагали, что каждый из поставивших свою подпись под письмом, непременно должен был рассказать хотя бы немного о себе, а значит, не мог особенно углубляться в прошлое в связи с краткостью жанра. Все прочие примыкали либо к одной, либо к другой группе, либо благоразумно сохраняли нейтралитет. Кстати, дополнительным стимулом к выдвиганию различных версий, иногда довольно фантастичных, послужило и то обстоятельство, что школе не удалось найти ни одного человека из числа выпускников пятьдесят первого года, готового лично присутствовать на линейке. Все те, с кем всё-таки удалось связаться, жили в других городах и не имели возможности или желания приехать - тем более что им пришлось бы это делать за свой счёт. В любом случае, мистическая аура, пронизавшая в тот день всё пространство школьного двора, предопределила настрой последнего звонка от первой минуты и вплоть до публичного прочтения послания. Необыкновенная тишина выдавала меру волнения участников, и даже рутинный церемониал вручения грамот и произнесения дежурных, по сути, фраз прошёл чрезвычайно величаво, словно священный обряд. Нужно отдать должное директорисе, которая расставила акценты в представлении не хуже заправского режиссёра. Вскрытие извлечённой из ячейки капсулы с последующей передачей свитка из рук в руки вдоль фланга стола к стоящей у микрофона представительнице поколения потомков, специально отобранной из пяти кандидатов в золотые медалисты за отличную дикцию, замышлялось как кульминация события и, безусловно, стало ею, несмотря на краткий сбой. Дело в том, что по правую руку от зама по идеологии сидела худая старуха,

одетая в чёрное платье с белым кружевным воротничком, и когда эстафетный свиток дошёл до неё, то она не стала передавать его представителю обкома, как предполагалось по протоколу, а решительно встала и направилась к микрофону. Произошло небольшое замешательство, и, как показалось со стороны, хотя слов не было слышно, некоторое словесное препирательство между директрисой и старухой, в котором последняя взяла верх, добившись права на собственное сольное выступление. Надо сказать, что многие приметили эту не совсем обычную гостью ещё во время построения, потому что, в отличие от обыкновенных антуражных ветеранов, предпочитающих мирно сидеть в президиуме, обмениваясь новостями с другими приглашёнными чинами, эта старуха добросовестно обошла весь двор по периметру и везде сунула свой нос, кстати говоря, имеющий довольно благородные очертания. Да и вообще она выглядела импозантно и даже аристократично, спину держала, как балерина в отставке, а когда открывала рот, чтобы сделать в высшей степени уместные замечания как ученикам, так и отдельным учителям, то говорила тихо, но со сдержанным достоинством. Некоторые даже озадачились вопросом, кто она такая, поскольку тон старухи не располагал к возражениям. Судя по манерам, гостя тянула, как минимум, на представительницу Министерства просвещения. Но в конце концов оказалось, что эта инициативная женщина, представившаяся Александрой Александровной, была не кем иным, как бывшей классной руководительницей того самого выпуска пятьдесят первого года, ныне шестнадцать лет как на заслуженной пенсии. Хотя по первоначальному сценарию ничего такого не предполагалось, уже в процессе линейки Александра Александровна решилась сказать несколько слов об авторе текста. Так мы узнали, что Надя Мелешина, написавшая послание потомкам - разумеется, не от себя лично, но от имени всех своих товарищей - не только не дожила до сегодняшнего радостного дня, но и погибла совсем молодой, всего лишь через четыре года после окончания школы, в одном из сельских районов нашей области, куда её направили из университета для прохождения журналистской практики в местной многотиражке. «Нелепая смерть, - сказала старуха, - нелепая смерть!» При этом из её выцветших глаз брызнули слёзы, чего, конечно, никто не ожидал, поскольку в ней трудно было заподозрить склонность к сантиментам. Надю Мелешину убило разорвавшимся тросом, когда трактор вытягивал грузовик, утопленный в болоте пьяным колхозным водителем. И вот, как сказала Александра Александровна, поскольку Надины родные тоже все поумирали, и даже ни одной фотографии бедной девочки не сохранилось, то письмо представляет собой единственную нить, всё ещё связывающую её с живыми. Закончив речь, старуха, вопреки протоколу, протянула свиток кандидатке в медалистки, которая в течение вынужденной задержки переминалась с ноги на ногу тут же у микрофона и от волнения так вспотела, что на её платье возле подмышечных ямок расплзлись здоровенные тёмные круги. Пришлось директрисе вмешиваться во вновь возникшую неразбериху и восстанавливать правильный порядок действий: Александра Александровна была усажена на своё место, а послание прошло-таки через руки зама по идеологии, затем директрисы, а уж потом было вручено потной десятикласснице для прочтения вслух. Несмотря на природный талант и недельную подготовку путём декламации стихов русских и советских классиков, кандидатка так разнервничалась, что прочла первый абзац без всякого блеска и даже с небольшими запинками:

--Дорогие д-д-рузья! Через годы мы протягиваем вам руку, чтобы обменяемся с вами крепким рукопожатием. Двадцать пять лет, как считает современная общественная наука, - это время смены поколений. Именно вы по возрасту являетесь нашими наследниками,

нашей сменой. Мы передаём вам всё то, что сделано и завоёвано нами. Мы верим, что вслед за нами вы с честью продолжите славные традиции советской молодёжи, идя по пути великого дела Ленина – Сталина.

В этом месте Калерия Велимировна скорбно покачала головой, как бы напоминая посвящённым, что подобные ляпы могли бы быть вполне предотвратимы, если бы отдельные безответственные руководители прислушивались к мнению старших товарищей и заблаговременно принимали адекватные меры. А чтица слегка поперхнулась и хлебнула воды из протянутого ей директрисою стакана, но оглянувшись назад и убедившись, что большинство членов президиума одобрительно кивает головами, продолжила гораздо увереннее:

--Мы счастливы тем, что живём в такое время, когда СССР освещает путь грядущего счастья для всех наций и государств, и тем, что на нашу долю выпала почётная обязанность быть пионерами коммунистического строительства. Но мы отдаём себе отчёт и в том, что над нашей Родиной до сих пор постоянно висит военная угроза со стороны империализма, и что не все ещё проблемы решены. Мы будем упорно преодолевать трудности под руководством ленинско-сталинского Центрального Комитета партии, уверенно ведущего весь народ к новым победам. Вам, людям грядущего поколения, живущим в эпоху изобилия и торжества коммунизма, в эпоху мира без границ и бесклассового общества, в эпоху, когда труд стал первой жизненной потребностью человека, конечно, нелегко представить все те лишения, что выпали на долю советских людей в периоды гражданской войны и индустриализации, в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками и в годы послевоенного восстановления народного хозяйства. Наши героические отцы и матери, наши славные старшие братья и сёстры защитили и сохранили самое главное – завоевания Октября - и передали их нам. А теперь и мы хотели бы увидеть в вас верных преемников, надёжных хранителей заветов Ильича...

Как ни странно, но ни заминка с Александрой Александровной, ни её слёзы, ни то, что она, оговорившись, раза два назвала грозную директрису «Галькой», что, конечно, при обычных обстоятельствах вызвало бы бурю смеха, ни заикание и дрожащий голос потной кандидатки в медалистки не нарушили атмосферы торжественности. Напротив, все эти непредусмотренные сбои даже усилили эмоциональный эффект до такой степени, что отдельные родительницы начали промокать глаза платочками. А вот содержание письма явно производило на всех противоположный эффект. И если его начало ещё могло вызывать некоторый интерес – хотя бы беспредельной наивностью заблуждений насчёт изобилия и мира без границ, то всё остальное по бессмысленности и перенасыщенности пропагандистскими оборотами было настолько безлично, что вскоре превратилось в мутный поток бессвязных штампов. Подобную галиматью, правда, в несколько меньшем масштабе, можно было в любой день на протяжении прошедших двадцати пяти лет найти в любой газете – хоть в центральной, хоть в республиканской, хоть в той же районной многотиражке. Увы, Надя Мелешина не ограничилась двумя абзацами, а накатала убористым почерком целых три с половиной страницы, где не было ни единого живого слова. Если честно, то следовало бы сильно пожалеть, что послание дошло до адресата – уж лучше бы серебрянки-чешуйницы полакомились содержанием капсулы. В этом случае они заслуживали бы земного поклона, потому что подарили бы нам ощущение неразгаданной загадки и лёгкой печали по утраченному завещанию, в котором, конечно же, содержалось что-то невероятно важное. Я не смею испытывать терпение своих

читателей дальнейшим цитированием, поэтому прошу положиться на моё слово, а особо недоверчивым предлагаю ознакомиться с полным текстом письма в школьном музее, где оно до сих пор хранится вместе с капсулой.

Насколько помнится, настроение после линейки у многих было подавленным. Если попытаться подвести итог, то можно сказать, что это было разочарованием обманутых ожиданий, хотя, наверное, каждый воспринимал происходящее по-своему.

Что касается меня, то в какой-то миг, уже на исходе чтения, мне защипало горло: стало безумно жалко всех выпускников пятьдесят первого года, а в особенности мёртвую Надю Мелешину, от которой в мире живых не осталось ничего, кроме убористо исписанных трёх с половиной страниц ученической тетради в клеточку, где ничего не было сказано ни о ней самой, ни о её одноклассниках, ни об их увлечениях, ни о том, чему они радовались, ни о том, как страдали и любили – словом, ничего из того, что и составляет жизнь, такую, якобы, единственную и неповторимую для каждого из нас. Не знаю, что было виной приступу отчаяния – услышанная ли история о нашедшей свою нелепую смерть от разорвавшегося троса девчонке, которую даже некому оплакать, кроме бывшей учительницы, или же присущее мне с детства ощущение бренности людского существования. Конечно, какой-нибудь законченный философ вправе спросить, не всё ли равно, что остаётся от человека. Пусть так. Но от этого не становится менее грустно.